



ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

**ПРЕВРАЩЕНИЕ**



**ПРОЦЕСС**



**ЗАМОК**

ΦΡΑΝΤΣ ΚΑΦΚΑ

Замок

  
INSPIRIA  
Москва

УДК 821.112.2-6(436)  
ББК 84(4Авс)-4  
К30

Перевод с немецкого *С. Рюмина*

Редактор перевода *Г. Горбовский*



Школа перевода *В. Баканова*

Cover design by KOSMOS

Оформление серии *Р. Фахрутдинова*

### **Кафка, Франц.**

К30 Замок / Франц Кафка ; [перевод с немецкого С. Рюмина]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-231291-5

Франц Кафка (1883–1924) — один из самых влиятельных писателей XX века, классик немецкоязычной литературы и ключевая фигура модернизма. Его проза узнаваема по пугающе ясному стилю, в котором предельная точность языка сочетается с атмосферой тревоги, абсурда и отчужденности. Кафка в новых формах осмысливает фундаментальные вопросы человеческого существования — вины, власти, беспомощности, одиночества и непрозрачности сложных систем. Его тексты, при внешней простоте, раскрывают глубокие психологические и философские слои, а созданные им ситуации стали нарицательными: «кафкианский» теперь означает столкновение человека с иррациональными, непостижимыми силами.

В один зимний вечер землемер К. прибывает в занесенную снегом деревню у подножия горы, на которой стоит замок. Жители деревни, а затем и сам К. оказываются под таинственным влиянием замка и его усердных чиновников, которые остаются неуловимыми и непостижимыми. И К. сталкивается с миром недостижимым, замкнутым на бюрократическом аппарате. Но чтобы обустроиться в деревне, К. нужно официальное разрешение от канцелярии замка, однако что же нужно замку?..

УДК 821.112.2-6(436)  
ББК 84(4Авс)-4

ISBN 978-5-04-231291-5

© Рюмин С., перевод на русский язык, 2023  
© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательство «Эксмо», 2026



## ПЕРВАЯ ГЛАВА

**К** прибыл на место поздним вечером. Деревня утопала в снегу. Гора с замком совершенно скрылась из виду, ее поглотили туман и мрак, через которые не пробивался даже слабый луч света. К. долго стоял на деревянном мосту, соединявшем проселок с деревней, и вглядывался в обманчивую пустоту.

Постояв, он пошел искать ночлег. В трактире еще не спали, хозяин комнат не сдавал, однако настолько был озадачен поздним визитом, что разрешил путнику переночевать на тюфяке прямо в обеденном зале. К. не возражал. Группа крестьян еще сидела за пивом, но ему не хотелось ни с кем вступать в разговоры, он сам принес тюфяк с чердака и улегся около печи. Ему стало тепло, крестьяне не шумели, К. еще раз посмотрел в их сторону сонными глазами и заснул.

Спать пришлось недолго. Вместе с хозяином напротив тюфяка стоял одетый по-городскому молодой человек с лицом театрального актера — глаза прищурены, брови сдвинуты. Крестьяне не успели разойтись, некоторые развернули стулья, чтобы лучше видеть и слышать. Молодой человек весьма учтиво извинился за то, что разбудил К., представился сыном кастеляна замка и сказал:

— Эта деревня принадлежит замку. Любой, кто сюда приезжает на ночлег или на постой, в определенном смысле ночует в замке. Без разрешения графа это делать никому не позволено. У вас, однако, такого разрешения нет, или же вы забыли его предъявить.

К. привстал, пригладил волосы, посмотрел снизу вверх и ответил:

— Я что, не в ту деревню попал? Разве здесь есть замок?

— Разумеется, — спокойно произнес молодой человек. — Замок господина графа Вествеста.

— И я обязан просить разрешения на ночлег? — уточнил К., словно желая убедиться, что сказанное ему не приснилось.

— Без разрешения никак нельзя, — последовал ответ, в нем прозвучала явная издевка, потому что молодой человек развел руками и, обернувшись к хозяину и посетителям трактира, спросил: — Или разрешения уже отменили?

— Что ж, придется его достать, — сказал К. и, зевнув, откинул одеяло с явным намерением подняться.

— Ага, и у кого же? — спросил молодой человек.

— У господина графа, у кого же еще.

— Вы намерены спрашивать у графа разрешение прямо сейчас, в полночь? — воскликнул молодой человек, отпрянув назад.

— А что, нельзя? — равнодушно спросил К. — Тогда зачем вы меня разбудили?

Тут уж молодой человек не сдержался.

— Что за босяцкие замашки! — вскричал он. — Я требую уважения к графским властям! Вас разбудили для того, чтобы сообщить: вы должны немедленно покинуть графские владения!

— Хватит ломать комедию, — тихо, но отчетливо сказал К., снова лег и накрылся одеялом. — Вы, молодой человек, слишком много на себя берете, мы завтра еще об-

судим ваше поведение. Призываю хозяина и этих господ в свидетели, если таковые вообще будут нужны. В остальном позвольте сказать, что я землемер и приехал сюда по приглашению графа. Фургон с моими помощниками и инструментом прибудет завтра. Я же решил пройтись по снежку, однако несколько раз сбивался с пути и потому припозднился. Мне и без ваших подсказок ясно, что идти на прием в замок уже поздно. Вот я и довольствовался ночлегом в трактире, чему вы, мягко говоря, не очень вежливо помешали. Спокойной ночи, господа.

С этими словами К. отвернулся к печке. «Землемер?» — услышал он чей-то неуверенный вопрос за спиной, после чего все стихло. Молодой человек, однако, вскоре собрался с мыслями и сказал трактирщику — достаточно тихо, чтобы не мешать К. спать, но достаточно громко, чтобы тот мог услышать: «Надо сделать запрос по телефону». Как? В этом деревенском трактире имелся телефон? Неплохо устроились. Отчасти новость удивила К., но в целом этого следовало ожидать. Оказалось, что телефонный аппарат висел буквально у него над головой, просто он спросонья его не заметил.

Если молодой человек собирался звонить, то при всем желании не мог не потревожить спящего; позволять ли ему это делать — вот в чем вопрос. К. решил не мешать. В таких обстоятельствах притворяться спящим не было никакого смысла, и он повернулся на спину. Крестьяне сбились в кучку и робко шептались — землемеры в деревню не каждый день приезжают.

Дверь кухни открылась, и весь дверной проем заполнила мощная фигура хозяйки заведения. Трактирщик на цыпочках подошел к ней, чтобы доложить обстановку. Начался телефонный разговор. Кастелян спал, зато младший кастелян, вернее один из младших кастелянов, господин Фриц, был на месте. Молодой человек, представившийся Шварцером, рассказал, как обнаружил К., че-

ловека тридцати с небольшим лет, довольно оборванного, преспокойно спящим на тюфяке, подложившим под голову рюкзак вместо подушки, с суковатой палкой наготове. Незнакомец, разумеется, вызвал у него подозрения, и, так как трактирщик халатно отнесся к своим обязанностям, Шварцер решил разобраться. К. проявил крайнее недовольство, когда его разбудили, допросили и в соответствии с правилами пригрозили выслать за пределы графства. Для недовольства, как выяснилось, у него могли иметься некоторые основания, так как, по его утверждению, он является землемером и прибыл по приглашению графа. Разумеется, служебный долг требует проверки этих заявлений, а поэтому Шварцер просит господина Фрица выяснить в главной канцелярии, ожидают ли там прибытия землемера, и желательно побыстрее сообщить ответ по телефону.

После этого стало тихо, Фриц наводил справки, Шварцер ждал ответа. К. не изменил позы, даже не обернулся и безо всякого интереса смотрел прямо перед собой. Доклад Шварцера, в котором смешались злоба и подозрительность, наводил на мысль, что здесь даже мелкие сошки вроде Шварцера имеют некоторую дипломатическую выучку. Старательности им, видно, тоже было не занимать — в главной канцелярии работа продолжалась даже ночью. Отвечали на запросы, очевидно, тоже очень быстро — Фриц позвонил почти сразу же. Ответ, очевидно, не занял много времени, потому что Шварцер тут же с негодованием бросил трубку.

— Я так и знал! — воскликнул он. — Какой там землемер! Подлый, лживый бродяга, а может, и кое-кто похуже.

На мгновение К. показалось, что все — Шварцер, крестьяне, хозяин с хозяйкой — сейчас разом на него набросятся. Чтобы хоть как-то защититься от нападения, он с головой накрылся одеялом. Тут телефон зазвонил.

нил еще раз, причем, как показалось К., особенно громко. Он осторожно высунул голову наружу. Новый звонок вряд ли мог касаться его, однако все замерли на месте. Шварцер вернулся к аппарату, выслушал пространное объяснение и тихо переспросил:

— Ошибка, значит?.. Неудобно получилось. Начальник канцелярии, говорите, звонил? Странно, странно. Что я скажу господину землемеру?

К. насторожился. Выходит, замок признал в нем землемера. С одной стороны, это было ему не с руки, так как означало, что в замке имели о нем все необходимые сведения, взвесили соотношение сил и с усмешкой приняли вызов. С другой стороны, хорошо, что его, как он полагал, недооценивают, значит, вопреки первоначальным расчетам ему дадут больше свободы. И если там думают, что снисходительное признание за ним статуса землемера будет постоянно держать посетителя в страхе, то ошибаются. Он испытал мимолетный испуг, не более того.

К. отмахнулся от несмело идущего к нему Шварцера, отклонил настойчивое приглашение переселиться в комнату трактирщика и лишь принял на сон грядущий кружку пива от хозяина да таз, мыло и полотенце от хозяйки. Просить очистить помещение не пришлось — все посетители, отвернувшись, чтобы он не узнал их утром, сами заспешили к выходу. Лампу погасили, и К., наконец, оставили в покое. Он крепко проспал до самого утра, всего лишь раз или два немного потревоженный шмыгающими вокруг крысами.

После завтрака, который, со слов трактирщика, как и все остальное довольствие землемера, оплачивал замок, К. хотел сразу же пойти в деревню. Но так как хозяин, с которым после его вчерашнего поведения К. свел разговоры до минимума, постоянно вертелся около него с умоляющим видом, он сжалился и позволил ему присесть рядом.

— Я пока еще не знаком с графом, — сообщил К. — Говорят, он неплохо платит за работу. Это правда? Если, как я, ехать в такую даль от жены и детей, то надо хоть что-то привезти домой.

— Об этом, господин, можешь не беспокоиться. На плохую оплату пока никто не жаловался.

— Ну, я не робкого десятка и могу высказать свое мнение хотя бы и графу, хотя с ним, конечно, лучше поладить миром.

Трактирщик сидел напротив К. на краешке подоконника, устроиться поудобнее он не отваживался и все время смотрел на К. большими испуганными карими глазами. Сначала он не отходил от К., но теперь, похоже, был не прочь удрать. Испугался расспросов о графе? Или боится, что от «господина», за которого он принял К., всякого можно ожидать? К. решил его отвлечь. Глянув на часы, он сказал:

— Скоро приедут мои помощники. Ты сможешь их здесь разместить?

— Разумеется, господин. Разве они не будут жить вместе с тобой в замке?

Что-то уж очень легко он готов отказаться от постояльцев и, что особенно подозрительно, побыстрее сбегать К. в замок.

— С этим пока еще нет ясности, — ответил К. — Сначала я должен узнать, какую работу мне хотят поручить. Если работа не на горé, то разумнее здесь и остаться. К тому же, боюсь, жизнь в замке не придется мне по вкусу. Не люблю поступаться свободой.

— Ты не знаешь, что такое замок, — тихо проговорил трактирщик.

— Естественно. Торопиться с выводами не стоит. Пока что я знаю о замке лишь то, что там решили найти настоящего землемера. Возможно, есть и другие имущества.

К. поднялся, чтобы избавиться от компании нервно покусывающего губы трактирщика. Заручиться доверием этого типа было не так-то просто.

На выходе К. бросился в глаза висящий на стене темный портрет в такой же темной раме. К. еще со своего ложа приметил, но не разобрал издали подробностей, что картину, видимо, вынули из рамы, оставив лишь черный задник. Оказалось, что картину — грудной портрет пятидесятилетнего мужчины — никто не убирал. Человек на портрете так низко наклонил голову, что глаза почти невозможно было разглядеть, эффект усиливали высокий, массивный лоб и крупный, крючковатый нос. Внизу топорщилась прижатая наклоненным подбородком окладистая борода. Растопыренные пальцы левой руки, запущенные в пышную шевелюру, плохо поддерживали клонящуюся книзу голову.

— Кто это? — спросил К. — Граф?

Задав вопрос, он даже не обернулся.

— Нет, — ответил трактирщик. — Кастелян.

— Хороший у них кастелян в замке, что и говорить, — заключил К. — Жаль только, сын не пошел в отца.

— Нет-нет, — сказал хозяин, привлек к себе К. и прошептал ему на ухо: — Шварцер вчера вечером прихвастнул, его отец всего лишь младший кастелян, причем один из последних по рангу.

В этот момент хозяин показался К. совсем ребенком.

— Вот прохвост! — со смехом воскликнул К.

Хозяин трактира его не поддержал и ответил:

— Его отец тоже власть.

— Да ладно! У тебя все власть. И я, поди, тоже?

— Тебя, — робко проговорил трактирщик с не меньшей серьезностью, — я властью не считаю.

— А ты наблюдателен. Власти, между нами говоря, у меня действительно нет. Поэтому я почитаю власть имущих не меньше твоего, просто в отличие от тебя не

настолько прямодушен, чтобы открыто в этом признаться.

Чтобы успокоить хозяина трактира и еще больше расположить его к себе, К. слегка потрепал его по щеке. Трактирщик заулыбался. В действительности он был еще мальчишкой с мягким, безусым лицом. Откуда у него взялась такая грузная, немолодая жена, которая, сейчас, как было видно через кухонный проем, оттопырив локти, орудовала у плиты? К. решил больше не давить на парня, чтобы не спугнуть вызванную с таким трудом улыбку. Он лишь напоследок жестом попросил открыть ему дверь и вышел навстречу погожему зимнему утру.

Контурсы замка четко выделялись в прозрачном воздухе, их еще больше подчеркивал обволакивающий все предметы тонкий снежный покров. Казалось, что на горе снега лежало намного меньше, чем на деревенской улице, идти по которой было так же трудно, как вчера по проселку. В деревне сугробы доставали до окон хибар, чуть выше сугробов снег лежал на низких крышах, на горе же все легко и беспрепятственно тянулось вверх — по крайней мере, так выглядело снизу.

В целом замок издали был таким, каким его представлял себе К. Он не походил ни на старую рыцарскую крепость, ни на новый роскошный дворец, но представлял из себя растянутый ансамбль, состоящий из нескольких двухэтажных и множества прилепившихся друг к другу более низких зданий. Если не знать, что это замок, его можно было принять за маленький городок. К. заметил всего одну башню; являлась ли она частью жилого здания или церкви, разглядеть было невозможно. Над башней кружили стаи ворон.

К. шел, не отрывая взгляд от замка, остальное его не интересовало. Однако при ближайшем рассмотрении замок его разочаровал, он и вправду оказался довольно жалким городком, слепленным из сельских домов, отличав-

шихся от деревенских построек только тем, что все были сложены из камня. Штукатурка давно облупилась, даже каменная кладка начала крошиться. К. мельком вспомнил свой родной город — он мало чем уступал этому так называемому замку. Будь он праздным туристом, К. пожалел бы о потраченном времени и о том, что не съездил лишний раз на родину, где так долго не был. Он мысленно сравнил вид церковной колокольни родного города и здешней башни. Колокольня с широкой кровлей из красной черепицы, без колебаний, с молодым задором стремящаяся ввысь, была сооружением рукотворным — да и какое еще могли построить люди? — однако создавалась с более возвышенной целью, чем скопище низеньких домиков, и обещала нечто более светлое, чем тусклые трудовые будни. Здешняя же башня — похоже, единственная и, как выяснилось, прикрепленная к жилому дому, вероятно, главной части замка, — представляла собой однообразную круглую, частично милосердно прикрытую плющом конструкцию с маленькими окошками, сверкающими на утреннем солнце. В ней сквозило что-то сумасбродное. Башня завершалась подобием открытой террасы, голубое небо кусали зубцы парапета — неуверенные в себе, неровные, шаткие, словно нарисованные рукой испуганного или неряшливого ребенка. Как будто беспокойный жилец, кому место под замком в самой дальней комнате дома, проломил крышу и высунулся наружу, чтобы явить себя всему миру.

К. опять замер на месте, находя, что в состоянии покоя думается легче. Ему, однако, помешали. За деревенской кирхой, рядом с которой он остановился, — на самом деле это была часовня с похожей на сарай пристройкой, лишь бы места хватало всему приходу, — находилась школа. Перед длинным низким зданием, непонятно как соединяющим в себе дух кратковременности и глубокой древности, рос сад, превратившийся сейчас в сплошное

снежное поле. Из школы как раз выходили ученики с учителем. Дети окружили учителя тесной гурьбой и, глядя на него, все вместе тараторили без умолку, отчего К. не мог разобрать ни слова. Учитель, молодой узкоплечий человек, державшийся очень прямо, но без малейшего намека на карикатурность, издали приметил К., — видимо, еще и потому, что помимо группы учеников вокруг не было ни одной живой души. К., как нездешний, первым поздоровался с низкорослым, какими нередко бывают властолюбивые люди, человеком.

— Добрый день, господин учитель, — сказал он.

Дети как один замолчали. Мгновенная почтительная тишина, должно быть, понравилась учителю.

— Пришли на замок посмотреть? — спросил он гораздо более благосклонно, чем ожидал К., но таким тоном, словно заранее не одобрял его затеи.

— Да, — ответил К. — я нездешний, только вчера приехал.

— Замок вам не понравился?

— Почему же, — немного смутился К. и повторил вопрос в смягченной форме: — Нравится ли мне замок? С чего вы решили, что он мне не понравился?

— Он не нравится чужим.

Чтобы не допустить какую-нибудь бестактность, К. сменил тему:

— Я полагаю, вы знакомы с графом?

— Нет, — ответил учитель и хотел было отвернуться, но К. не сдавался и повторил вопрос: — Как вы можете не знать графа?

— Откуда мне его знать? — тихо сказал учитель и добавил по-французски: — Прошу быть осторожнее при невинных детях.

К. решил воспользоваться случаем и попросил:

— Господин учитель, позвольте к вам как-нибудь зайти? Я здесь надолго и уже сейчас чувствую себя не-

много одиноко. Крестьяне мне не компания, да и в замке я чужой.

— Между крестьянами и замком большой разницы нет.

— Возможно, вы правы, однако моего положения это не меняет. Вы позволите к вам заглянуть?

— Мой дом — в Лебяжьем переулке, рядом с лавкой мясника.

Слова учителя прозвучали скорее как справка адресного бюро, чем приглашение в гости, тем не менее К. произнес:

— Хорошо. Я приду.

Учитель кивнул и двинулся дальше с толпой детей, немедленно возобновившей гвалт. Вскоре они скрылись в горбатом переулке.

К. был расстроен и недоволен разговором. Впервые после прибытия он почувствовал настоящую усталость. Долгая дорога сюда поначалу на нем вроде бы не отразилась — с какой легкостью он шел, проживая день за днем! — как вдруг последствия чрезмерных усилий сказались в самое неподходящее время. Его неудержимо влекло к заключению новых знакомств, тем не менее с каждым новым контактом усталость только нарастала. Если в сегодняшнем состоянии получится растянуть прогулку хотя бы до ворот замка, этого вполне хватит.

Он снова двинулся вперед. Идти пришлось далеко. Главная улица деревни вовсе не вела к замковой горе, она подходила близко к ней, а затем, как нарочно, огибала ее, вроде бы не удаляясь от замка, но и не приближаясь к нему. К. ждал, что вот-вот улица, наконец, повернет прямо к замку, и продолжал путь, поддерживаемый этой надеждой. Из-за усталости он не решался повернуть назад, к тому же его удивил размер деревни. Казалось, ей не будет конца; он видел перед собой все новые и новые домишки с покрытыми инеем оконными стеклами, сугробы и полное отсутствие людей.